

A detailed illustration of a woman's face and upper body. She has long, dark red hair and green eyes. She is wearing a dark red, possibly velvet, garment that is open at the chest. A silver chain is draped around her neck, featuring a triangular pendant. She holds a white rose in her left hand, which is adorned with a ring. A single tear is visible falling from her chin. The background is dark and moody.

Сердце

Вечной

Скорби

Анит Кейр

18+

Анит Кейр

Сердце Вечной Скорби

<https://litres.ru/74251753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элисабэтта Девьер открывает глаза в лазарете «Приюта Белых Роз». Её сердце разбито, а тело чудом выдержало нападение Кайроса Хейда - лорда Сумеречных земель, жаждущего мести.

Но виноват ли он, что желает покончить с последней из рода, виновного в смерти его брата?

А виновна ли Бэтта в событиях девятистолетней давности, когда порталы между мирами закрылись, оставив после себя лишь пепел?

Пока Кайрос мечется от любви к ненависти, Элисабэтта учится жить в мире вечных сумерек, где ведьмы плетут заклинания, а вампиры пьют кровь слабых. Она знакомится с собой настоящей и пробуждает силу, способную уничтожить или спасти всё.

Но узнает ли Элиса, кто она на самом деле? И как поступит Кайрос, когда поймёт, что смерть - это не самое страшное?

Им предстоит выбор: остаться врагами, связанными кровью прошлого, или стать союзниками ради правды, способной перевернуть их судьбы.

Содержание

*	4
Пролог	5
Глава 1. Белые розы в лавандовом поле	8
Глава 2. Янтарь в гневе	20
Глава 3. Декорации к представлению	28
Глава 4. Хлеб и корица	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анит Кейр Сердце Вечной Скорби

And thus the heart will break.
Yet brokenly live on.*
— Lord Byron

* И так — сердце разобьется.
Но, сломленным, продолжит жить.
— Вольный перевод Лорда Байрона

Пролог

Сырой холод пещеры пронизывал до костей. Где-то вдалеке падали капли воды, отсчитывая время, которого больше не существовало.

Он был прикован к скале. Массивные цепи, покрытые древними письменами, опутывали его запястья и шею, впиваясь в бледную, словно мрамор, кожу. Но даже в этом унижении он оставался прекрасным. Слишком прекрасным для существа, что заслуживало смерть. Острые скулы, идеальные линии губ, и глаза... глаза, которые в полумраке горели янтарным пламенем, словно у хищного животного выслеживающего свою добычу в темноте.

Люди в глубоких чёрных мантиях окружали его плотным кольцом. Ближе всего к пленнику стояла высокая фигура в темно-фиолетовой рясе. Лицо человека скрывал накинутый на голову капюшон. Все взгляды присутствующих были устремлены лишь на жертву. Гул их голосов складывался в монотонный, тягучий ритуал. Старейшина в фиолетовой рясе читал молитвы на языке, забытом веками, который она не понимала. Каждое слово тяжелым камнем падало в тишину.

Девушка стояла в первом ряду свидетелей и не могла дышать.

«Этого не может происходить на самом деле», — пульсировало в висках.

Её вампир.

Тот, кто обещал вечность. Тот, кто смеялся над смертью. Сейчас он был безмолвен. И это молчание пугало больше, чем цепи.

Солёные слезы текли по её щекам, не встречая преград. Мир поплыл, раскрашивая чёрные мантии в грязно-серые разводы.

— Нет... — выдохнула она сначала шёпотом.

А потом, когда главный поднял руку, её разорвал крик:

— НЕТ!

Она бросилась вперёд, туда, где пламя его глаз встретилось с её отчаянием. Но сильные, безжалостные руки перехватили её на полпути. Пальцы стальными когтями вцепились в плечи, не давая сделать и шага.

— Пустите! Вы не смеете! — голос сорвался.

Один бесполезный рывок. Второй, и ноги подкосились. Она рухнула на холодный камень, больно ударившись коленями. Что-то тяжёлое и вязкое поселилось в груди, разливаясь свинцом. Оно не давало сделать вдох, не давало кричать. Девушка могла только наблюдать.

Наблюдать, как силуэт в темно-фиолетовой мантии, отличавшей его от других, делает шаг вперёд. В его руке медленно поднимался полукруглый серп. Тусклый металл поймал отсвет вампирских глаз и на мгновение сам загорелся янтарем.

— Умоляю... — прошептала она, уже не зная, к кому об-

ращается.

Серп занёсся над головой прикованного. Воздух в пещере стал плотным, как ртуть.

Внезапно даже для нее самой, ее голос прорезался жутким воплем. Она закричала всем своим нутром. Крик разорвал тишину, смешавшись с последним словом молитвы.

И в тот же миг она услышала, как серп рассекает воздух. Злой, свистящий звук, летящий прямо к незащитной шее.

Она не могла на это смотреть. Веки уже сжимались сами собой, готовые похоронить её в спасительной темноте.

Но тьма наступила раньше.

Раньше, чем она успела закрыть глаза. Раньше, чем серп коснулся ледяной кожи.

Ослепительная, нечеловеческая, белая вспышка выжгла из пещеры все тени, все лица, все молитвы. Следом наступила оглушительная тишина. И густая, ватная чернота поглотила всё без остатка.

Все крики. Все молитвы. Даже цепи и скалы.

Оставляя только сердце, которое, кажется, перестало биться.

Но разве может перестать биться уже мертвое сердце?

Глава 1. Белые розы в лавандовом поле

Элисабэтта

Я открываю глаза.

Надо мной идеальный белый потолок, без единой трещинки. Это потолок лазарета в «Приюте Белых Роз». Воздух пропитан запахами настойки валерианы, льняным маслом и почему-то зелёным чаем. Этот аромат вьелся в подушки, в простыни, в мою кожу и в мои волосы.

Медленно, без резких движений, я поворачиваю голову к окну. Оттуда льётся тёплый золотистый свет искусственного солнца Сумрака, которое греет, но не радует. В глазах больше не пляшут чёрные и белые точки. В висках не пульсирует боль. Свет больше не режет зрение, не заставляет щуриться и отворачиваться. Он обволакивает мягким свечением, как далёкий костёр в ночи.

Остатки снов всё ещё цепляются за сознание, как репейники за юбку. Не желают отпускать и впиваются в мысли крошечными когтями.

Те самые сны, что впервые пришли ко мне в Сумеречной

Цитадели и снились здесь каждую ночь, пока я пребывала на грани бессознательного.

Священнослужитель в потрёпанной рясе сидит у костра. Рядом с ним двое детей.

Вампир, прикованный к скале. Лица во сне смазаны, словно я наблюдаю за сценой сквозь слёзы, но я везде узнаю эти горящие в темноте глаза. Массивные цепи опутывают его запястья, впиваясь в бледную кожу. Его глаза горят янтарём, как у зверя, что затаился перед прыжком. Люди в чёрных мантиях окружают его. Плачущая девушка бросается к нему и, умоляя, падает на колени. Серп заносится над головой вампира.

Каждый раз в этом месте случается ослепительная белая вспышка. А за ней абсолютная темнота.

И новое видение.

Бескрайнее, безмятежное, фиолетовое лавандовое поле. Я стою посередине, и ветер колышет цветы, гонит волны, похожие на морские, но не солёные, а сладкие. С одной стороны за руку меня держит Мика. Его ладонь такая же тёплая и живая, как в детстве, когда мы бегали к Чёрному Лесу наперегонки. С другой стороны Марена. Её прохладные и тонкие пальцы сцеплены с моими. Мы стоим втроем, как раньше. И я чувствую их тепло и их любовь.

А потом они исчезают.

Растворяются в воздухе, как утренний туман над болотами. Их пальцы тают в моих ладонях, и я остаюсь одна посре-

ди лилового моря. Воздух становится тяжелым и плотным, сдавливая мне грудь. Я пытаюсь крикнуть, но голос пропадает.

Но вот на самом краю, у горизонта, где лаванда встречается с небом, фигуры появляются вновь. Они плывут прямо ко мне, но когда приближаются, я вижу, что это не Мика и не Марена.

Это пара, которую я никогда не встречала, но которая кажется мне до боли знакомой. Безумно красивая девушка с рыжими волосами, что горят на солнце, как живое пламя, как пожар в степи, как кровь на лезвии в отблеске костра. И мужчина с карими глазами, такими глубокими, что можно утонуть. Утонуть и не захотеть всплывать. Они смотрят на меня и улыбаются. Но в их улыбках столько печали, что у меня разрывается сердце.

Каждый раз, когда я протягивала к ним руки, они растворялись. словно их образы были лишь отражением в мутной воде, стоит коснуться, и рябь стирает лица.

И каждый раз, когда я просыпалась после этого сна, я не могла вспомнить их лиц. Только цвета. Только чувство бесконечной, всепоглощающей потери.

Эти сны мучали меня пуще любого кошмара. Но такими были мои ночи. Весь месяц. День за днём. Пока я лежала почти без сознания, пока сёстры меняли повязки на моей голове и вливали в меня питательные растворы, пока моё тело боролось за каждый вздох, каждый удар сердца.

Я медленно сажусь на кровати. Позвоночник протестующе хрустит. Месяц без движения даёт о себе знать сухой дробью. В глазах не темнеет, и это уже прогресс. Ещё неделю назад любое движение заканчивалось тем, что мир переворачивался с ног на голову, потолок становился полом, а меня выворачивало в тазик, который услужливо подставляла ночная сиделка.

Но голова всё ещё кружится. Легко, едва заметно, как после долгого кружения на карусели в детстве, когда Мика раскачивал качели.

Мика.

Я зажмуриваюсь, впиваюсь ногтями в простыню. Сжимаю веки так сильно, что за ними вспыхивают оранжевые круги. Не позволяю слезам горечи явиться на свет.

Память возвращается рывками, обрывками, как старая книга, у которой вырваны половина страниц, а оставшиеся перепутаны.

Алые капли на белом полированном полу. Кровь. Моя кровь. И мои слёзы. Они капали одновременно — красные и прозрачные — смешиваясь в лужицу на холодном мраморе Пансионата, когда я очутилась здесь. Когда неизвестные силы спасли меня, и дверь из теней захлопнулась за моей спиной. Когда я поняла, что мне удалось сбежать, за секунду до того, как провалиться в обморок.

Я тогда не чувствовала физической боли. Моя боль росла изнутри: странное, болезненное тепло в груди надломилось,

и острые осколки осыпались вниз, в живот, тяжелым, колющим комом. Как если бы я проглотила битое стекло.

Воспоминание накрывает волной: его уверенные, настойчивые пальцы на моей талии. Его губы у моей шеи, холодные, но оставляющие горячие следы. Его шёпот, от которого мурашки бежали по спине даже тогда, когда я уже знала, что он чудовище.

Уголки моих губ непроизвольно ползут вверх.

Я замечаю это и тут же давлю улыбку. Стискиваю зубы так, что они скрипят.

Не смей.

Не смей улыбаться из-за него. Не смей вспоминать его прикосновения как нечто желанное.

Лорд Хейд уничтожил мою деревню. Вырезал всех, кого я знала. Старую Бажену, которая угощала меня пирожками. Кузнеца Томаса, который научил меня различать металлы по звуку. Детей, которые бегали за мной и кричали: «Элиса! Элиса! Покажи фокус с сердцем!»

Кайрос собственноручно убил мою семью.

Его голос в моей голове звучит так же отчётливо, как в тот вечер в замке.

Ледяной. Беспощадный. Уверенный. И... болезненно красивый. Даже когда он говорит такие вещи, его голос завораживает, как песнь сирены, которая манит на скалы.

Я с силой сжимаю челюсти так, что скулы начинают болеть. Открываю глаза. Делаю глубокий вдох через рот. Про-

питанный лекарствами воздух лазарета оседает горечью на сухом, потрескавшемся языке.

Во рту пересохло. На языке всё ещё есть ранка в том месте, где я его прикусила. Маленький неровный шрам, наверное, останется навсегда. На память о том, как тот, кого я полюбила, едва не убил меня. Дважды.

На столике у кровати стоит стакан с водой. Лёд давно растаял, оставив на стекле мутные разводы, но вода всё ещё холодная. Я тянусь, и тонкие, как веточки, бледные, как пергамент пальцы слегка дрожат от слабости, но я справляюсь. Выпиваю до дна, чувствуя, как живительная влага растекается по пересохшему горлу, как она оmyвает корень языка, где всё ещё прячется привкус той ночи — крови и страха.

Ставлю стакан обратно. Сажусь на край кровати. Простыни сползают, обнажая руки в старых, жёлто-зелёных синяках, которые уходят медленно.

Пальцы сами по себе тянутся к кулону между грудей. Холодный металл трёхконечной звезды по-родному ложится в ладонь, даря мнимое, обманчивое соединение с моими предками. Я носила его, думая, что это память о бабушке. Единственная нить, связывающая меня с семьёй теперь, когда никого из них больше нет на этом свете.

Но это ложь.

Кулон принадлежал Гидеону.

Кайрос сказал мне это перед тем, как напасть. Или после? Воспоминания путаются, как разноцветные нитки, которые

кто-то злой и безжалостный связал в узел.

Как у моей бабушки оказался кулон мертвого вампира? Как моя семья связана с Гидеоном? И кто та девушка, которую он полюбил, а она его предала?

Вопросы пульсируют в голове вместе с отголосками того удара моего тела о каменную стену. Этот глухой, влажный стук до сих пор звенит в ушах. Боль, от которой потемнело в глазах, а мир рассыпался на миллион осколков. Медный, солоноватый вкус крови во рту. Я помню, как подумала тогда: «Он убьет меня».

Но не убил.

Пока.

Если бы не защитные барьеры Пансионата, если бы не кристалл, данный Смотрителем, если бы не чудо... Кайрос бы добил меня. Пока я лежала в одинокой палате, мучаясь от боли. И телесной, и сердечной. И вторая была страшнее.

Но теперь я чувствую не только боль.

Горячее, липкое отвращение поднимается из желудка и заполняет горло, как желчь, как кислота, как яд, который я не могу выплюнуть. Кайрос забрал у меня всё. Деревню. Семью. Право носить этот кулон в память о бабушке. Даже воспоминания, и те теперь отравлены.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — мой голос звучит хрипло и непривычно, будто не мой. Я не разговаривала вслух слишком долго.

Дверь открывается, и в лазарет входит высокая женщина.

Тёмно-синий комбинезон сидит на ней строго и безупречно: ни складки, ни намёка на усталость. Пепельные волосы стянуты в низкий хвост с гладким пробором, открывая высокий лоб и спокойные серые глаза. Сестра Агния. Я вспоминаю её имя, когда она подходит к моей кровати, и мягкая, как рассветный туман, улыбка трогает её губы.

— Элисабэтта, — голос у неё низкий и спокойный, как колыбельная, которую поют над умирающим. — Ты проснулась. И садись сама. Это хороший знак.

— Добрых сумерек, сестра Агния, — я киваю. Голова слегка плывёт, но я держусь и вцепляюсь пальцами в край матраса, чтобы не качнуться.

— Как ты себя чувствуешь?

Я задумываюсь на секунду. Физически — никак. Тело словно не моё, а чужое. Непослушное, обмякшее, как тряпичная кукла. Но по сравнению с тем, что было в первые дни...

Тогда я просыпалась от того, что меня выворачивало наизнанку даже в полной темноте. Глаза не хотели открываться, казалось, кто-то насыпал под веки песок. Всё плыло перед ними жёлтыми и чёрными пятнами, как в калейдоскопе, который кто-то злой крутил без остановки. Я не могла пошевелить головой. Не могла говорить. Могла только лежать и смотреть в белую пустоту потолка, гадая, не рай ли это. И каждый раз, когда я проваливалась обратно в сны, я благодарила за это кого-то наверху, потому что сны были мучи-

тельными, но реальность была хуже.

Теперь же...

— Лучше, — говорю я.

И, помедлив, добавляю:

— Намного лучше. Голова почти не кружится. В глазах не темнеет.

Сестра Агния кивает и делает пометку в блокноте, который достаёт из глубокого кармана комбинезона. Её длинные, с аккуратными ногтями пальцы быстро бегают по странице.

— Твои анализы тоже улучшились. Сотрясение было тяжёлым, дорогая. Две недели ты пролежала почти не приходя в сознание. Ещё две недели мы боролись за то, чтобы ты пришла в себя окончательно. Но вот уже месяц позади. Твоё тело... сильнее, чем я думала сначала. А голова... — она слегка касается моего затылка поверх бинтов. Я чувствую тепло её пальцев даже через ткань. — Череп цел. Это главное.

— Когда меня перевяжут в последний раз? — спрашиваю я. Кожа под бинтами заживает и чешется, и это бесит почти так же сильно, как сама боль.

— Через два дня. А потом, посмотрим. Если будешь так же хорошо себя чувствовать, сможешь переселиться в свою комнату.

Мысль о том, чтобы встать с этой кровати, пройти по коридорам, вдохнуть воздух за пределами лазарета, лечь на нормальную постель, а не на эту больничную койку с продавленным матрасом... Это кажется нереальным. Как сказ-

ка, которую рассказывают детям.

— И тогда смогу приступить к обучению? — я поднимаю глаза на сестру Агнию.

Она улыбается теплее и в этой улыбке на секунду проступает что-то материнское, что сжимает моё сердце тоской по тому, чего у меня больше никогда не будет.

— Когда поправишься окончательно. Ты и так много пропустила, Элисабэтта. Но Смотритель ставит твоё самочувствие в приоритет.

Смотритель Валланд. Тот, кого я изначально страшилась и избегала. Тот, кто дал мне кристалл. Тот, кто спас мне жизнь.

Я киваю, не находя слов.

Моя рука снова, сама, без спроса, тянется к кулону. Сестра Агния замечает это, но ничего не говорит. Только смотрит мягко и понимающе. Сёстры в Пансионате многое видят. И молчат о большем.

— Отдыхай, — говорит она. — Завтра зайду снова. Если понадобится помощь, позвони в колокольчик на столике. Сестра Милослава дежурит круглосуточно.

— Спасибо, сестра.

Агния уходит. Дверь за ней бесшумно закрывается, отсекая внешний мир.

Я снова остаюсь одна в тишине лазарета, где слышно только моё дыхание и редкое пение птиц за окном.

Тяжёлая ненависть, как свинец, как камень, которым мож-

но утопить тело, разрастается в груди. Она заполняет пустоты, куда раньше забиралось тепло. Она течёт по венам вместо крови.

Я ненавижу лорда Сумеречных земель за то, что он убил мою семью. Убил с пренебрежением, как надоедливое таракана, боясь испачкать подошву дорогих туфель.

«Я даже не пил их кровь. Кровь верующих фанатиков — хуже яда.»

Разве мы виноваты в том, что сделала наша деревня почти сотню лет назад?

Разве дети в ответе за грехи своих родителей?

Я не виновата в преступлениях моих предков.

И всё же... если бы не его жажда мести... если бы не хитрость той девушки, предавшей Гидеона... может, он полюбил бы меня по-настоящему?

Нет.

Не смей.

Не смей искать оправдания его жестокости.

Я должна ненавидеть Кайроса.

Ненавидеть за то, что украл меня из моего мира, вырвал с корнем, как сорняк, и пересадил в чужую, враждебную почву.

Ненавидеть за то, что заставил меня поверить в нашу близость. В то, что я ему небезразлична.

Ненавидеть за этот кулон, который теперь давит на грудь тяжелее любого бремени, потому что даже он мне не при-

надлежит.

Но внутри этой ненависти, в самом её центре, в чёрной, липкой сердцевине, есть что-то ещё. Что-то, что я не хочу признавать. Что-то, что я выжигаю калёным железом каждую ночь, но оно возвращается. Что-то, что заставляет мою кожу помнить его прикосновения, а моим губам шептать его имя во сне.

Я зажмуриваюсь и с силой прогоняю эти мысли. С особой жестокостью, которой научилась у него самого.

Я выжила в бойне у Чёрного Леса. Выжила в Сумеречной Цитадели. Выжила и сбежала от лорда Хейда.

И теперь я должна понять зачем.

Зачем судьба сохранила меня? Зачем Смотритель спас меня? Зачем этот кулон до сих пор висит у меня на шее, если он принадлежит мёртвому?

Кулон холодит кожу. За окном поют сумрачные птицы, с голосами, похожими на детский плач. А я сижу на краю больничной койки в «Приюте Белых Роз» и пытаюсь вспомнить, каково это — не бояться собственных снов.

Я презираю лорда Кайроса Хейда.

И я отомщу ему.

Глава 2. Янтарь в гневе

Кайрос

Месяц.

Тридцать дней. Семьсот двадцать часов. Каждый из которых я пересчитывал заново, ударами собственного пульса, которого у меня не должно быть.

Говорят, время лечит.

Ложь.

У меня есть всё время этого мира и прилегающих двух. Кому, как не мне, знать, что время — это рана, которая никогда не затягивается. Просто со временем привыкаешь к боли. Или она становится частью тебя и въедается под кожу, смешивается с кровью, пускает корни в костях.

Как она.

Я сижу в своём кресле, из которого наблюдал за Бэт в первые дни её «обучения». Тогда она дрожала от страха, но сжимала кулаки так, что костяшки белели. Маленькая, злая, живая мышка. Я думал, что сломаю её. Думал, что она будет плакать по ночам и ненавидеть меня.

Она и ненавидела поначалу.

Но ещё она смотрела на меня так, будто я был единственным солнцем в её выжженном мире. И я... я купился. Как последний глупец.

Зерек стоит у двери, не решаясь войти. Я слышу его прерывистое дыхание и чувствую неуверенность за три шага до порога. Он боится. Но не меня, а моего настроения. В последний месяц я уничтожил три зеркала, два стола и одного гонца, который принёс вести, не имеющие к ней никакого отношения.

— Докладывай, — говорю я, не отрывая глаз от сумрака за окном.

— Лорд Хейд, — голос Зерека скользит, как по маслу. — Сведений о ней всё так же нет. Пансионат защищён слишком старой магией. Наши люди не могут проникнуть внутрь.

— Скажи мне что-нибудь, чего я ещё не знаю, — цежу я сквозь зубы, едва сдерживая кипящий в груди гнев.

— Но есть кое-что ещё, — он мнётся. Я поворачиваю голову. Достаточно, чтобы янтарный отсвет моих глаз упал на его лицо. Зерек бледнеет. — Кристалл, что был у неё... он не просто активировал портал в Пансионат. Кто-то открыл дверь изнутри. Смотритель Валланд.

Валланд.

Я сжимаю подлокотник кресла так, что дерево трещит. Этот старый интриган. Когда он дал ей кристалл? Ещё тогда, во время своего визита в мой замок? Или когда мы приезжали в «Приют Белых Роз»?

Впрочем, не важно. Важно другое: он выбрал свою сторону.

Судьба насмехается надо мной. Боги теней, которым я приносил кровавые жертвы десятилетиями, повернулись ко мне спиной в самый нужный момент. Или, что хуже, они смотрят и смеются. Потому что послать мне Элисабэтту, внучку Олимпии, это могла быть только их воля.

Олимпия.

Я не думал о ней после того, как моя месть свершилась, и кровь её предков смешалась с землёй того мира, который я запер за порталом. Но одна выжила.

Элисабэтта.

Когда я впервые увидел её в том шкафу, испуганную, но живую и невероятно красивую, я почувствовал нечто странное. Не только интерес к её дурацкой способности замедлять сердце. Я почувствовал... родство. Будто мы уже встречались. Будто её душа узнала мою.

Идиот. Сентиментальный идиот.

Похожа ли она на свою бабу?

Я пытаюсь вспомнить лицо Олимпии, что превратилось в расплывчатое пятно на границе памяти. Столько лет прошло. Столько крови. Но глаза... у Бэт её глаза. Тот же разрез. Та же глубина. Тот же огонь, который не гаснет, даже когда тело умирает.

Встаю с кресла и подхожу к окну. За толстым стеклом раскинуты Сумеречные земли. Мои земли. Чёрные скалы, баг-

ровое небо, синяя луна, которая никогда не заходит полностью. Этот мир создан для таких, как я. Для хищников. Для монстров.

А она — цветок, выросший на пепле.

Но так ли это на самом деле?

Сестра охотника и дочь священника. Как и Олимпия: дочь пастора и сестра охотника.

Я горько усмехнулся.

Это просто кощунственно смешно.

Они знали, что я приду за оплатой долга. Что вернусь свершить свою месть.

Они подготовили её? Научили искусно лгать и притворяться?

Элисабэтта специально вторглась в мою голову, засела в самых тёмных уголках моей проклятой души. Заставила её хотеть. Заставила полюбить.

Маленькая коварная дрянь.

Она точно внучка своей бабушки. Боги теней, я готов поклясться, это Олимпия научила её всем этим женским хитростям.

О, какая же она прекрасная лгунья.

Не мышка, а крыса, которую я пригрел у себя за пазухой.

Я заставлял себя ненавидеть её. Повторял, как заклинание:

«Она — Девьер. Она — внучка той, кто убил Гидеона. Она — моя месть, моё право, моё лекарство».

Но каждую ночь я видел её лицо. Не то, искажённое страхом перед моим ударом. А то, каким оно было в библиотеке, когда она читала, забыв обо мне, и её губы шевелились, повторяя слова. То, каким оно было после нашей близости, когда она смотрела на меня так, будто я не монстр, а что-то иное. Что-то достойное любви.

Провожу рукой по подоконнику, и пальцы натываются на что-то. Ткань. Бордовый лоскут её платья, что я разорвал на её прелестном теле в ночь, когда она добила своего.

Я не выбросил. Не смог.

Как вообще ее хрупкое человеческое тело выдержало мой натиск? Я не сдерживался. Любая другая человеческая плоть на ее месте треснула бы подо мной, сломалась, не выдержала. Но Бэтта... она не просто выдержала. Она ответила с той же страстью, тем же голодом. Сгорела под моим льдом, но не сломалась.

Как?

Как она сделала это?

Сжимаю ткань в пальцах и подношу к лицу, полной грудью вдыхая аромат женщины, что заставила меня потерять самообладание.

Боги теней, какой же я жалкий.

— Зерек, — голос мой звучит ровно, но слуга вздрагивает. — Приготовь экипаж. Я еду к границе Пансионата.

— Милорд, но барьеры...

— Я в курсе о барьерах. И не собираюсь их штурмовать.

Я просто хочу... посмотреть.

Зерек не задаёт лишних вопросов. Он знает, что происходит, когда я в таком настроении, и исчезает за дверью, оставляя меня одного.

Смотрю на остатки платья в своей руке. Ткань хранит её запах — мёд, что-то травяное, сладкое и горькое одновременно, и этот странный, ни на что не похожий аромат живой крови. Не той, что льётся реками в моём замке. А той, что бьётся только в её жилах.

Гидеон был моим младшим братом. Он всегда был добрее. Чувственнее. Эмпатичнее. Из нас двоих именно он заслуживал жить, и именно он должен был править этими землями. Гидеон был единственным существом во всех трех мирах, которого я... любил? Наверное. Я не был уверен, что способен на это чувство, пока в моей вечной жизни не появилась она.

Но Гидеона больше нет.

Олимпия убила его. Не рукой, но хитростью. Она заманила брата в ловушку, опутала цепями, приковала к скале. И смотрела, как серп палача отделяет его голову от тела. Я узнал об этом через три дня. К тому моменту от Гидеона остался только пепел и этот дурацкий кулон, который я так и не смог найти.

Нет. Смог.

Он оказался на шее у девчонки, которая прижималась ко мне в темноте и шептала: «Я не боюсь тебя».

Судьба — жестокая шлюха.

Я сжимаю бордовый лоскут в кулаке. Янтарное пламя в моих глазах разгорается ярче: я чувствую жар на веках, на скулах. Вампиры моего рода светятся гневом. Он выжигает всё внутри, оставляя только чистую ярость.

Она — Элисабэтта Девьер.

Кровь врага. Плоть предателя. Наследница той, кто разрушила мою семью.

Я поклялся дьяволу уничтожить род Девьер.

И я должен убить её.

Это мой мир, и я смогу придумать, как обойти барьеры Пансионата. Валланд стар, его магия течёт, как песок сквозь пальцы. Или найду способ уничтожить защиту. Или сожгу их всех, если понадобится.

Я достану её.

Я убью её.

Повторяю это снова и снова, в такт несуществующим ударам моего мёртвого сердца. В такт шагам, которые ведут меня к экипажу. В такт ветру, который шепчет её имя.

Элисабэтта.

Я убью тебя.

Но ткань в моём кулаке всё ещё хранит её тепло. Я нахмурился и с силой отбросил клочок бархата в сторону, будто он обжигал.

Я убью её.

Пока она не погубила меня.

Глава 3. Декорации к представлению

Элисабэтта

Дверь лазарета закрылась за моей спиной с тихим, почти ласковым щелчком.

Впервые за месяц я покинула комнату, пропахшую лекарствами. Ноги слегка дрожат от непривычки: мышцы отвыкли от нагрузки, а каждый шаг напоминает о том, как долго тело было приковано к постели. Потными ладошками разглаживаю небесно-голубое платье. Такое же, как у всех воспитанниц Пансионата, которое мне выдали сегодня утром. Ткань непривычно мягкая, почти невесомая, совсем не похожая на тяжёлый бархат, который я носила в Цитадели Сумерек. Ступни через плоские подошвы кожаных туфель чувствуют холод полированного камня, и этот холод пробирается выше, заставляя меня поёживаться.

Сестра Маргарита в тёмно-синем платье-футляре ждёт меня у стены, сложив руки на животе. Седые волосы стянуты в низкий пучок, ни единого волоска не выбивается из идеального пробора. Её безжизненная улыбка трогает губы, ко-

гда наши взгляды встречаются. Она плавным жестом просит следовать за ней.

Я помню её с прошлого визита. Высокая и молчаливая, с лицом, словно вырезанным из воска, она стояла за спиной Смотрителя Валланда.

— Добрых сумерек, Элисабэтта, — голос у неё тихий и текучий, как вода в замкнутом канале. — Я провожу тебя в твою комнату.

— Добрых сумерек, сестра Маргарита, — отвечаю я. Голос всё ещё звучит непривычно: хрипловато, с налётом долгого молчания, будто я отвыкла не только от ходьбы, но и от самого звучания собственной речи.

Маргарита разворачивается и идёт вперёд. Я стараюсь не отставать, хотя каждый шаг даётся с трудом, слабость ещё не отпустила тело до конца. Пастельные тона коридоров Пансионата и запах мыла с сушёной лавандой сейчас действуют успокаивающе. А в прошлый раз он показался мне удушающим и сладким до тошноты. Странно, как одно и то же может ощущаться по-разному, когда меняется точка зрения.

Шаги сестры Маргариты бесшумны, как у кошки, ступающей по мягкому ковру. Я смотрю на её прямую спину и пытаюсь понять, можно ли ей доверять. Впрочем, в этом мире доверие это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Мы сворачиваем в левое крыло, где расположены жилые комнаты воспитанниц. В свой первый визит сюда я лишь мельком видела эти коридоры: бесконечные двери с бронзо-

выми табличками, узкие окна с видом на идеально подстриженный сад. Тогда мне показалось, что я иду по коридору сумасшедшего дома. Слишком тихо, слишком чисто, слишком... пусто.

Сейчас пугает то, что я почти привыкла к этой тишине.

— Твоя комната, — сестра Маргарита останавливается у одной из дверей. На бронзовой табличке выгравировано: «Элисабэтта».

Не «Элиса». Не «Бэт» или «подопечная лорда Хейда». Просто — Элисабэтта.

Странно. Непривычно. И почему-то важно. Будто это имя единственное, что у меня осталось по-настоящему своё.

Сестра Маргарита открывает дверь и отступает в сторону, пропуская меня вперёд.

— Учебный год давно начался, и все курсы набиты битком, поэтому свободных комнат не осталось, — поясняет она. — Тебе придётся делить жилище с другой воспитанницей.

Я снова смотрю на табличку у двери. И действительно, замечаю рядом ещё одну с именем «Василика».

Что ж, я на всё согласна, лишь бы больше не спать на койке в лазарете.

Шагаю в комнату и приятно удивляюсь её размеру. Эта спальня больше тех, что мне показывал Смотритель в первый раз. Две узкие кровати у противоположных стен, застеленные белоснежным бельём. Два комода из светлого дере-

ва. Большой письменный стол с двумя стульями у огромного окна, что занимает почти всю стену. Балкончик, залитый золотистым светом искусственного солнца, и даже кресло в углу, обитое светлой тканью.

На подоконнике одиноко стоит горшок с белой розой. Единственное живое пятно в этом царстве стерильности.

— Здесь шкаф для одежды, — голос Маргариты звучит за моей спиной. — Туалетный столик вон там. Вода для умывания приносится утром и вечером. Если тебе что-то понадобится, позвони в колокольчик у кровати.

Я киваю, не оборачиваясь.

— Сестра Агния сказала, что вскоре ты сможешь приступить к занятиям, — продолжает Маргарита. — На уроки необходимо надевать фартук, пелерина для прогулок. Пока же отдыхай. Набирайся сил. Трапезы каждый день в одно и то же время в столовой на первом этаже. Попроси свою соседку, она покажет где.

— Спасибо, сестра.

Маргарита молчит несколько долгих секунд. Я чувствую её тяжёлый, оценивающий взгляд на своей спине. Что она видит? Худую фигуру в чужих одеждах, потерявшуюся в чуждом мире? Синяки, которые ещё не сошли с рук? Или ту самую «редкую воспитанницу», о которой, наверное, судачат в коридорах?

— Если будут вопросы, я в своей келье в конце коридора, — говорит она наконец. — Доброй ночи, Элисабэтта.

— Доброй ночи.

Дверь закрывается за ней с едва слышным щелчком, и я остаюсь одна.

Прохожу к окну и сажусь на подоконник, поджав ноги, как в детстве, когда Мика и я прятались на чердаке дома и смотрели на закат. За стеклом простирается чудесный сад. Идеальные клумбы, которые я помню по прошлому разу. Белые, розовые и алые розы превращены в калейдоскоп живого искусства. Каждый куст подстрижен так, будто его измеряли линейкой. Каждый цветок знает своё место. Искусственное солнце Сумрака заливает сад золотистым, неживым светом, тёплым, но не обжигающим, красивым, но мёртвым.

Провожу пальцами по холодному стеклу. Оно идеально чистое, без единого пятнышка. Кажется, что мир за ним не настоящий. Декорация к будущему драматическому представлению.

В голову лезут воспоминания о первом визите в Пансионат. Кайрос, стоящий у окна в гостиной, с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул. Девушки в голубых платьях с пустыми глазами и натянутыми улыбками. Смотритель Валланд с его жуткой, механической интонацией и чёрными глазами, в которых не было ни зрачков, ни дна, а только бесконечная, безликая тьма.

«Мы учим их всему, что необходимо благородной даме».

Я сжимаю пальцы в кулак.

Тогда я сделала выбор. Осталась с Кайросом. Потому что

его жестокость была честной. Его клетка, хоть и клетка, была просторной и полной тайн. Я думала, что между мной и ним нечто настоящее. Опасное, но настоящее.

Какой же глупой я была.

Теперь я здесь. В клетке с белыми розами на подоконнике и запахом лаванды в воздухе. Сбежала от одного чудовища, чтобы попасть в дом к другому. Только если Кайрос никогда не притворялся тем, кем не был, то Валланд...

Я смотрю на свои руки. Пальцы всё ещё тонкие, но уже не такие бледные. Синяки проходят, жёлто-зелёные разводы на коже, которые с каждым днём становятся всё светлее. Скоро от них не останется и следа. Как и от всего, что случилось в замке Хейдов.

Но то, что внутри, не проходит. Оно не просто поселилось там, а въелось под кожу, смешалось с кровью, пустило корни в костях.

Как он.

Взгляд падает на горшок с белой розой. Одинокий цветок, красивый и идеальный. И совершенно бесполезный. Он здесь только для того, чтобы радовать глаз, чтобы создавать иллюзию жизни.

Я протягиваю руку и касаюсь лепестка. Он мягкий, прохладный и... живой. В отличие от всего вокруг.

— Хоть ты настоящая, — шепчу я розе.

Она, конечно же, не отвечает. Но мне почему-то становится легче.

За окном поют сумрачные птицы. Сейчас их высокие, звонкие голоса похожи на детский смех. А я сижу на подоконнике в своей новой комнате в «Приюте Белых Роз» и пытаюсь вспомнить, каково это, не бояться собственного отражения.

Потому что теперь, каждый раз, глядя в зеркало, я вижу не только себя. Я вижу девушку, которая полюбила монстра. Девушку, которая до сих пор не знает, зачем её спас Смотритель. Девушку, которая носит на шее кулон мёртвого вампира и не понимает, как и почему её семья была связана с ним.

Скоро начнутся занятия. Скоро я выйду в коридоры и увижу других воспитанниц, таких же, как я, или уже сломленных системой. Скоро Валланд снова посмотрит на меня чёрными глазами и задаст свои вопросы, на которые у меня нет ответов. Скоро мне придётся столкнуться с Василикой, моей соседкой по комнате, и понять, враг она или союзник.

Скоро всё начнётся.

Но я — Элисабэтта Девьер. Последняя из своего рода. Дочь добродушного священника и лучшей травницы в деревне. Я ношу в себе кровь тех, кто жил до меня, и память тех, кого больше нет.

Я пережила бойню у Чёрного Леса. Пережила Сумеречную Цитадель. Пережила предательство Кайроса.

Переживу и это.

Глава 4. Хлеб и корица

Я не слышала, как она вошла.

Только подняла голову с колен и вдруг поняла, что в комнате кто-то есть. Она стояла у комода, спиной ко мне, и что-то перекладывала в ящике. Тёмные волосы, собранные в высокий хвост, открывали худую шею и острые лопатки, выступающие сквозь тонкую ткань голубого платья.

Я спустила ноги с подоконника и встала. Пол под босыми ступнями был тёплым, но я всё равно поёжилась от волнения, от неловкости, от того, что не знала, как себя вести.

— Привет, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно. — Я Элисабэтта. Мы будем жить в одной комнате. Она не обернулась.

Пальцы аккуратно и размеренно продолжали перебирать что-то в комод, будто меня здесь не было.

— Да что ты, — ответила она наконец низким и ровным голосом, без единой эмоции.

Я ждала продолжения. Хотя бы «приятно познакомиться» или «и тебе привет». Но Василика замолчала, и между нами повисла тяжёлая, как мокрая простыня, тишина.

— Ты давно здесь учишься? — спросила я, делая шаг ближе.

— Достаточно.

— А какие тут порядки? Я совсем ничего не знаю. Сестра

Маргарита сказала, что ты можешь показать мне столовую, рассказать про занятия...

Она резко захлопнула ящик комода. Звук удара рассёк воздух, как удар хлыста.

— Я не экскурсовод.

Я замерла. В её голосе сквозили злость и неприязнь. Будто я была не человеком, а надоедливой мухой, жужжащей над ухом.

— Прости, я просто подумала... — начала я, но она перебила, даже не повернув головы.

— Не думай. У тебя это плохо выходит.

Я не нашлась, что ответить. Слова застряли в горле. Я смотрела на её прямую спину, на тёмные волосы, стянутые в хвост, и чувствовала, как внутри разрастается липкая и неприятная обида, смешанная с усталостью.

Я всего лишь хотела дружелюбия. Хотя бы капли тепла в этом холодном мире. Но Василика не собиралась его давать.

Она наконец повернулась. Я увидела её бледное, но красивое лицо с высокими скулами и пухлыми губами. Тёмные, почти чёрные глаза смотрели сквозь меня, не задерживаясь. Под левым глазом я заметила маленькую родинку, похожую на слезинку, застывшую навсегда. Взгляд скользнул ниже, к тонкой шее, которую пересекала узкая ленточка из атласной темно-серой ткани.

— Ужин через десять минут, — бросила она. — Если хочешь идти, иди. Не хочешь, мне всё равно.

И вышла из комнаты, оставив дверь открытой.

А я осталась стоять посреди двух кроватей, двух комодов, двух судебных, которые не пересеклись, а столкнулись и отшатнулись друг от друга.

Сжала кулаки. Глубоко вздохнула. Разжала.

«Ладно, — сказала я себе. — Подружиться не получилось».

Вздохнула ещё раз, поправила платье и вышла следом.

В коридорах Пансионата оказалось непривычно шумно. Девушки в голубых платьях сновались туда-сюда: кто-то тихо перешёптывался, кто-то посмеивался, а кто-то откровенно указывал на меня пальцем. Похоже, манеры в этом месте им так и не привили. Или привили, но только для преподавателей.

Василика шла впереди, не оборачиваясь, не замедляя шага. Я за ней, на почтительном расстоянии, как нашкодивший щенок за строгой хозяйкой.

— Ты на курсе «невест» и «фавориток»? — спросила я в спину.

Молчание.

Но молчание это знак согласия, не так ли? По крайней мере, я решила считать именно так.

— Какие твои любимые предметы?

Игнор.

— А преподаватели строгие?

Тишина.

— Почему ты не хочешь со мной разговаривать?

Она так резко остановилась, что я чуть не врезалась в неё.

— Здесь не кружок по интересам, Элисабэтта, — сказала Василика сквозь зубы, не оборачиваясь. — Каждая сама за себя.

И зашагала дальше.

Я не знала, что ответить. Потому что, возможно, она была права. В этом мире никто никому ничего не должен. Даже элементарной вежливости.

В столовую мы вошли молча. Просторный зал с высокими потолками и длинными столами, накрытыми белыми скатертями. Сотни свечей в канделябрах, чей свет отражался в хрустале. Девушки в голубых платьях сидели группами, перешёптывались, смеялись. Воздух пах чем-то горячим и пряным, и после месяца больничного бульона это казалось роскошью.

Василика свернула к дальнему столу и села на свободное место, даже не взглянув на меня.

Я застыла посреди зала, как потерянная.

— Ну и ладно, — прошептала я себе под нос. — Сама справлюсь.

Огляделась. Слишком много недружелюбных лиц. Слишком много глаз, которые на мгновение останавливались на мне и тут же отводились. Кто-то шептался, кивая в мою сторону.

«Та самая», — читалось в их позах.

«Из Ярени».

«Сбежавшая от вампира».

Я чувствовала себя экспонатом в музее. Только таблички «Не трогать» не хватало.

— Привет! — раздался звонкий голос справа.

Я слегка вздрогнула и обернулась. Ко мне шли две девушки. Одна — с короткими рыжими волосами, румяными щеками, усеянными веснушками, и с любопытными карими глазами. Вторая была повыше, с пепельными кудрями до плеч и мягкой, доброй улыбкой.

— Ты та самая новенькая? — спросила рыжая, не скрывая интереса.

— Я... наверное, да, — ответила я, чувствуя, как напряжение отпускает плечи. — Меня зовут Элисабэтта. — Я замялась на мгновение. — Можно просто Элиса.

Не Бэт. Не Бэтта.

Имя, которым меня называл Кайрос, теперь больно ранит. Произнести его, всё равно что признать себя его вещью. Подтвердить, что я всё ещё принадлежу ему. А я не хочу. Даже в мелочах. Даже в имени.

— А я Лира, — рыжая кивнула на себя, затем на подругу. — А это Мира. Мы сёстры. Не похожи, знаю, но мама у нас была с характером, так что гены перемешались как попало.

Мира мягко улыбнулась. И когда они подошли ближе, я заметила, что единственная схожая черта между ними — это цвет глаз. Только у Лиры карие глаза были песочного оттен-

ка, светлые, почти золотистые в этом искусственном свете, а у Миры — цвета крепкого какао, глубокие и теплые.

— Ты выглядишь потерянной. Всё в порядке? — аккуратно касаясь моего плеча, спросила Мира.

— Я ничего тут не знаю, — призналась я. — Провела месяц в лазарете, почти не вставая. Так что понятия не имею, куда идти, что есть и как здесь вообще выживают.

Лира и Мира переглянулись, и в этом взгляде я не увидела ни осуждения, ни злобы, ничего из того, что читалось в глазах Василики. Только искреннее любопытство и желание помочь.

— Идём с нами, — сказала Мира и взяла меня за руку. Её пальцы были мягкими и тёплыми.

Они провели меня между столами, усадили на свободное место у окна, объяснили, где какой суп, какое мясо, какие напитки. Рассказали про утренние молитвы, про обязательные прогулки в саду, про преподавателя этикета, которого все боятся, и про учителя истории, которого все любят.

— А Василика... — осторожно спросила я, кивая в сторону дальнего стола. — Она всегда такая?

Лира помрачнела.

— Сочувствую, что тебе придётся с ней жить, — сказала она. — Но её комната самая большая, и она жила одна. Василика уже «забронирована» очень сильным вампиром, поэтому у неё тут особые условия. Не лезь к ней.

«Забронирована».

Жуть какая. Словно не человек, а вещь на полке. Или ко-
рова на рынке.

Я кивнула и мельком посмотрела на Василику. Та сидела,
гордо задрав нос, ковыряя ложкой суп, и её безразличный
взгляд был устремлён на рядом сидящую девушку, распина-
ющуюся в рассказе. Василика не слушала. Или делала вид.

Взгляд снова зацепился за узкий чокер у нее на шее. Знак
принадлежности в этом мире.

Что ж, у меня неприятная соседка. Но я справилась с лор-
дом Сумеречных земель, так что одна высокомерная девица
не станет помехой.

Перевела взгляд на девушек рядом со мной, и уголки губ
непроизвольно дрогнули. Откусила кусочек свежего, хрустя-
щего хлеба и почувствовала, как что-то тёплое разливается
в груди. От хлеба? Или от того, что я наконец не одна в этом
странном мире?

Лира болтала без умолку, и рыжие пряди словно вспыхи-
вали каждый раз при её движении, когда она жестикулирова-
ла во время рассказа. Мира мягко улыбалась, и её кудри ис-
точали аромат корицы, отчего мне становилось тепло и спо-
койно, почти как дома.

А я, чужая и потерянная, сидела между ними, но впервые
за долгое время чувствовала себя в безопасности. Насколь-
ко это вообще возможно в мире, где тебя могут «заброниро-
вать».

В столовой пахло сладкой выпечкой и соперничеством.

Канделябры мерцали, отбрасывая золотистый свет на голубые платья, на белые скатерти, на лица девушек, таких разных и одновременно таких похожих в своём горе и своих надеждах.

Мы ели молча несколько минут, и я наконец решилась задать вопрос, который вертелся на языке с того самого момента, как я увидела зал, полный девушек.

— Здесь нет мальчиков? — спросила я, оглядываясь по сторонам с таким видом, будто они могли спрятаться под скатертью.

— Они обучаются в других Пансионатах, — сказала Мира, аккуратно отрезая кусочек мяса. — В «Белых Розах» очень пекутся о чистоте девушек. А парни будут ненужным соблазном.

— Вампирам нужны девственницы? — удивилась я. Слова вырвались раньше, чем я успела подумать, и мысленно поморщилась. Звучало так, будто я всерьёз интересуюсь вампирскими брачными обычаями.

Лира фыркнула так громко, что несколько голов повернулось в нашу сторону.

— Если метишь в жёны, то да. Высокородные стары как этот мир и устарели в своих взглядах, — сказала она с вызовом. — Чёртов патриархат.

Я не сдержала улыбки. Рыжая девушка с веснушками и острым языком напомнила мне кое-кого из прошлой жизни. Той, что жила в Сумеречной Цитадели и думала, что добро-

вольно остаться с лордом было прекрасной идеей. Какая же я была наивная.

— Этот критерий касается и человеческих парней? — спросила я, хотя уже догадывалась, что это не так.

Лира прыснула настолько смачно, что забрызгала слюной стол и моё пирожное.

— Наоборот! — воскликнула она, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Мужчины обязаны быть умелыми любовниками. Вампириши не могут зачать ни при каком раскладе. Их чрево не в состоянии выносить ребенка. Поэтому человеческие мужчины нужны им только для утех. Ну, и их крови.

Я посмотрела на своё пирожное, теперь украшенное крошечными капельками слюны, и решила, что аппетит прошёл. Впрочем, аппетит прошёл не только из-за этого. Слова Леры звучали буднично, как прогноз погоды.

«Только для утех и крови». Вот так просто. Мы здесь — расходный материал для чужих удовольствий. И для размножения, если речь о девушках.

Забавно.

Дома, в Ярени, я думала, что худшее, что может случиться с девушкой, это неудачное замужество. Как опрометчиво.

— А вас кто-нибудь... забронировал? — спросила я тише, боясь показаться бестактной. В конце концов, не каждый день спрашиваешь незнакомок об их статусе «товара».

Лира и Мира переглянулись.

— Нет, — ответила Мира спокойно. — Мы будем участвовать в общем аукционе. А ты?

— Не знаю, — сказала я, и в горле запершило. — Но я уже была его. До того, как сбежала.

— Почему ты не хочешь вернуться к нему? — спросила Лира. В её голосе слышалось лишь любопытство и, быть может, капелька сочувствия. Но никакого осуждения.

— Лорд Хейд желанный покровитель для любого человека, — подхватила Мира. — Только вот... — она повела плечом, — он не брал себе новых людей уже около века.

Я тяжело вдохнула и подперла голову рукой. Как же приятно, когда о твоём бывшем вампире сплетничают за ужином.

— Дело в том, что я почти уверена лишь в одной вещи: лорд убьёт меня, стоит мне только выйти за пределы защитных чар Пансионата.

Сёстры не задали ни одного вопроса. Они просто кивнули, как будто понимали больше, чем могли сказать. Мира взяла меня за руку, Лира пододвинула тарелку со слоеным пирожным ближе.

И этого маленького жеста оказалось достаточно, чтобы я не разрыдалась прямо здесь, посреди сотни чужих глаз.

Сегодня я нашла двух человек, которые не отвернулись. Двух девушек из Сумрака, которые посмотрели на меня не как на экспонат из другого мира, не как на «сбежавшую от вампира», а просто как на ту, кому нужна помощь.

Возможно, я, одинокая девушка из Ярени, смогу подружиться с ними. Возможно, это начало чего-то нового.

А возможно, просто передышка перед бурей. В Сумраке вечные сумерки, так что буря может разразиться в любую минуту.

Но сейчас, сидя между

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.